

БОНДАРУК МАКСИМ

ЭЙДОС

Максим Бондарук

Эйдос

<https://litres.ru/73947023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Технология стала полем битвы. Оружие, рожденное из физики страха, заставляет солдат заново переживать личный ад.

В эпицентре гонки оказываются двое: гениальный отшельник Ветров, нашедший в квантовом хаосе то, что древние назвали бы душой, и нейробиолог Вера Кольцова — мать, потерявшая сына и превратившая свою боль в единственно возможный ответ.

В секретных цехах инженерного холдинга «Заслон» команда ученых собирает «Эйдос» — машину, способную не разрушать, а исцелять сознание. Но их противник уже запустил обратный отсчет.

«Эйдос» — это интеллектуальная научная фантастика о том, где кончается физика и начинается чудо. О жертве, которая сильнее любого оружия. О том, способна ли материнская любовь стать фундаментальной силой во Вселенной.

Содержание

Глава	4
Пролог. Эхо бездны	7
Глава 1. Шрам на теле мира	13
Глава 2. Консилиум у постели смертельно больного	23
Глава 3. Сбор команды	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Бондарук

Эйдос

Глава

ЭЙДОС

От автора: несколько слов перед тем, как вы откроете эту книгу

Дорогой читатель,

если вы взяли этот роман в надежде на лихой боевик, на саундтрек из взрывов и стремительный сюжет, где герои побеждают врагов силой оружия и крепостью кулака, — я должен вас честно предупредить. Возможно, эта книга вас разочарует. Здесь почти нет «экшна» в привычном смысле. Сражения здесь происходят не на поле боя, а в тишине лабораторий, в паузах между словами и в той бездне, что открывается внутри человека, потерявшего всё.

Это не роман эмоций. Это роман *пространства* для эмоций.

Представьте себе икону. Она пишется не для того, чтобы развлекать глаз буйством красок. Она пишется как окно. Её Линии строги, её лики сдержанны, её фон часто — золотая пустота. Эта пустота — не отсутствие смысла. Это приглашение. Войди. Постой. Вдохни. И то, что ты переживёшь в

этом стоянии, — твоё, а не навязанное художником.

Эта книга написана по схожему принципу.

Я намеренно отказался от подробных описаний чувств, от внутренних монологов, от «психологизма». Не потому, что мои герои не чувствуют. Они чувствуют так много, что слова были бы ложью. Я не верю, что можно описать словами, что испытывает мать, встретившая погибшего сына. Любая метафора здесь была бы фальшива. Поэтому я оставляю в тексте тишину. Зазоры. Пробелы.

Это ваше законное место. Заполните его собой.

Если вы когда-нибудь теряли близких — вы знаете больше, чем я могу вам рассказать.

Если вы когда-нибудь любили так, что собственное «я» исчезало, — у вас есть ключ к этой книге.

Если вы устали от историй, которые разжёвывают вам, что и когда чувствовать, — здесь вы найдёте иное.

Здесь наука говорит языком протоколов, но под этим словом бьётся сердце мистерии.

Здесь война — это не фон для геройства, а рана, которую не затянуть сюжетными поворотами.

Здесь технологии — не гаджеты, а зеркала, в которых отражается душа оператора.

Я прошу вас о немногом: читайте медленно. Доверяйте паузам. Не ждите, что автор проведёт вас за руку через все лабиринты боли и восторга. Я только указываю направление. Пройти этот путь можете только вы сами.

Если вы готовы к такой работе — добро пожаловать.

Если нет — я пойму. Возможно, эта книга просто ждёт вас в другое время.

И последнее. Этот текст — не головоломка для избранных и не элитарная игра. Это попытка говорить о самом важном без фальши. Потому что о материнской любви, о жертве, о встрече человека с Богом — если Он есть — нельзя писать ярко и броско. Можно только тихо. Сдержанно. Честно.

Так, как я пытался.

С уважением,

Максим Бондарук

Пролог. Эхо бездны

Снег сошёл неделю назад, но река ещё не вскрылась. Сергей Петрович Ветров стоял на мостках и смотрел на серый, источенный полыньями лёд. Дом за спиной молчал.

Двенадцать лет дом молчал.

Он поднялся на крыльцо. Ключ провернулся с трудом, дверь отворилась, и на него пахнуло временем. Не пылью, не плесенью — именно временем. Так пахнут вещи, которые больше никому не принадлежат.

В доме было темно. Он включил свет. Отцовский верстак, материн стеллаж с книгами, печь-буржуйка в углу. Всё на своих местах. Только слой пыли толщиной в двенадцать зим.

Он снял рюкзак. Достал осциллограф С1-94 — старый, списанный ещё в девяносто четвёртом. Отец купил его на радиорынке в Красноярске, когда Ветрову было восемь. «Смотри, Серёга. Это машина времени. Она видит то, чего нет».

Он поставил прибор на верстак. Подключил к щитку — проводка, проложенная отцом в семьдесят восьмом, держала. Зелёный луч прочертил линию на экране. Хаотичную, дрожащую — квантовый шум.

Окно выходило на реку. Ветров задёрнул штору.

Пандемия только начиналась. Мир заколачивал двери, мыл руки, считал ИВЛ. Ветрову было всё равно. Он не сле-

дил за новостями уже много лет — с тех пор как понял, что реальность, транслируемая по телевизору, имеет мало общего с той, которую он изучал.

Он сел на отцовский стул. Положил руки на колени. Закрыв глаза.

Медитация далась не сразу. Мысли искрились, как плохой контакт. Он дышал — медленно, размеренно, по квадрату. Четыре секунды вдох. Четыре пауза. Четыре выдох. Четыре пауза.

Тело исчезло.

Он не думал. Не желал. Не ждал. Он просто был — точкой внимания в пустоте.

Осциллограф пискнул.

Ветров открыл глаза.

Зелёная линия на экране больше не была хаотичной. Она пульсировала. Ритмично. Узор, похожий на кардиограмму спящего человека.

Он смотрел, не дыша.

Линия держала ритм четыре секунды. Пять. Восемь. Затем дрогнула и снова рассыпалась в шум.

Ветров отодвинулся от стола. Сердце колотилось. Во рту пересохло. Он понял — не умом, а чем-то более древним, что сидит в стволе мозга, — что грань, отделяющая наблюдателя от наблюдаемого, только что исчезла. И за ней кто-то был.

Он выключил осциллограф.

В темноте проступила надпись на стене. Меловая, из детства: « $E=mc^2$, 1988». Ему было пять, когда отец написал это. Мир тогда был прост. Энергия равна массе, помноженной на скорость света в квадрате. Формула, объясняющая всё.

Сейчас он сидел перед погасшим экраном и знал: формула не полна. В ней не хватало члена. И этот член — сознание.

За окном, над рекой Кантат, занимался рассвет.

Ветров не спал.

2

В тот самый час за десять тысяч километров от этой реки другой человек вглядывался в другую бездну. И бездна отвечала ему тем же

Влажность девяносто четыре процента. Тридцать два градуса в тени. Вентиляторы мобильного командного пункта выли на пределе, но воздух загустел, намертво прилипая к коже.

Доктор Джулиан Кросс не замечал жары.

Он сидел перед тремя мониторами. На левом — карта местности: холмы, поросшие акацией, грунтовая дорога, русло пересохшей реки. На центральном — тепловые сигнатуры: двадцать три отметки, сгруппированные вокруг двух пикапов с пулемётами. На правом — таблицы, графики, строки кода.

Повстанцы M23. Очередная группа, отказавшаяся сложить оружие.

Кросс поправил микрофон гарнитуры.

— «Эхолот» подтверждает. Двадцать три цели. Психо-профили сняты. Доминирующая частота альфа-ритма — восемь и две десятых герца. Точка когнитивного перелома — семь.

Он произносил это вслух, хотя мог бы просто думать. Привычка. В DARPA привыкаешь к тому, что каждое твоё слово пишется и архивируется.

— «Дирижёр», симфонию.

ИИ отозвался мгновенно. На правом мониторе побежали строки: расчёт модуляции, подбор несущей, синхронизация излучателей.

— «Оркестр», готовность.

Зелёный сигнал. Излучатели на платформе развернулись на три градуса.

Кросс посмотрел на фотографию, стоящую на пульте. Мэри Кросс, его мать, сидит за пианино. Шелбивилл, Огайо. Ему двенадцать. Она поправляет его пальцы на клавишах. «Настоящая музыка — это баланс, Джулиан. Слишком громко — хаос. Слишком тихо — ничто».

Он нашёл баланс.

— Огонь.

«Инфразвуковой орган» включился первым. Излучатель на семь герц. Волна пошла сквозь акации, сквозь стены, сквозь кости. Резонанс брюшной полости. Спазм диафрагмы. Неконтролируемая паника.

Через секунду вступил «Голос Бога». Микроволновый

аудиоэффект. Импульсы в два и четыре десятых гигагерца, модулированные низкочастотным сигналом. Термоупругое расширение тканей мозга. Звук, рождающийся прямо в слуховой коре.

Кросс смотрел на тепловые сигнатуры.

Двадцать три отметки. Через пять секунд — девятнадцать. Через двенадцать — четырнадцать. Они метались, падали, замирали.

Через тридцать семь секунд всё было кончено.

Кросс снял гарнитуру. Надел наушники с шумоподавлением. Тишина.

На левом мониторе — россыпь неподвижных точек. На центральном — карта, расчерченная координатами. На правом — столбцы данных: частота, амплитуда, коэффициент поражения.

Он должен был чувствовать триумф. Двенадцать лет работы. Бессонные ночи в Ливерморе. Закрытые слушания в Конгрессе. Первый прототип, развалившийся на третьей минуте теста. Второй. Пятый. И вот — работающий образец. Оружие, которое не убивает. Которое просто... выключает волю.

Он не чувствовал ничего.

Рука сама потянулась к запястью левой руки. Сжала. До белых следов. Он не замечал.

На экране застыла картинка: остывающие силуэты, разбросанные вокруг покорёженных пикапов. Кто-то ещё дви-

гался. Кто-то лежал неподвижно.

Он вспомнил хоспис в Омахе. Мать, умирающая от рака. Он не успел приехать. Был на учениях. Билет на поезд так и остался лежать в нагрудном кармане. Неиспользованный.

Она учила его музыке. Он создал симфонию.

Кросс убрал руку с запястья. Пальцы дрожали. Он положил ладонь на стол и смотрел на неё, пока дрожь не прекратилась.

Затем выключил мониторы.

— Протокол «Эхо» на проверку. Всем подразделениям отбой.

Он встал. Поправил фотографию матери. Вышел из командного пункта.

Над холмами поднимался влажный рассвет. Где-то далеко кричали птицы. В остальном было тихо.

Он нашёл баланс.

Но покоя не было.

Глава 1. Шрам на теле мира

1

Ночь пахла соляркой и мокрой глиной.

Егор Мещеряков сидел на снаряжном ящике, привалившись спиной к холодной стенке окопа, и смотрел на звёзды. Звёзд было много. В Рязанской области, где он жил всю жизнь, таких звёзд не увидишь — там город близко, фонари, свет в окнах. А здесь, в донецкой степи, темень стояла такая, что Млечный Путь просвечивал до самого горизонта.

До рассвета оставалось часа три. Потом начнётся.

Он сунул руку в нагрудный карман. Пальцы нащупали сложенный вчетверо листок — ультразвуковой снимок. Жена Алёна прислала две недели назад. Илья. Сын. Четыреста граммов, сердцебиение сто сорок ударов в минуту. На снимке — тёмное пятно, в котором Егор, как ни вглядывался, не мог разобрать ни рук, ни ног, ни лица. Но Алёна сказала: «Он на тебя похож». И он поверил.

Рядом со снимком лежала кукла-оберег. Маленькая, скрученная из соломы, с нитяными волосами и лоскутком ситца вместо платья. Дочь Аня сунула ему в вещмешок, когда он уходил. «Папка, чтоб тебя никто не тронул». Ей два года. Она не понимала, что значит «война», но чувствовала: что-то страшное.

Егор убрал руку из кармана. Проверил автомат. Маши-

нально, как учили.

— Егор.

Он обернулся. Паша, позывной «Рязань», сидел в трёх шагах, обхватив колени. Девятнадцать лет. Третий день на передке. Лицо бледное, губы закушены.

— Чего тебе?

— А правда, что у тебя сын скоро?

— Правда.

— А страшно?

Егор помолчал.

— Страшно, — сказал он. — Не за себя. За них.

Паша кивнул. Он не понял, но кивнул.

Где-то далеко, за линией, громыхнуло. Оба замерли. Но гром не повторился. Тишина.

Егор снова посмотрел на звёзды. Илья. Он повторял имя про себя, как молитву. Илья. Илья. Илья.

2

Тарас Лисовой сидел на перевёрнутом снаряжном ящике и играл на губной гармошке.

Мелодия выходила тихая, чуть дребезжащая. «Дивлюсь я на небо». Старая, ещё дедовская гармошка. Отец прошёл с ней Афганистан, вернулся живым, но без двух пальцев на левой руке. «Главное, сына, не пальцы. Главное — голова и сердце». Гармошку он отдал Тарасу, когда тот поступал в педагогический.

Теперь гармошка лежала в кармане гимнастёрки, рядом с

фотографией дочери.

Тарас перестал играть. Достал фото. Соломия стояла у яблони, в вышитой сорочке, одной рукой придерживая округлившийся живот. В другой — письмо. От него. «Батьку, не хвилюйся. Я сильна. Внучка буде гарна, як весна. Назвемо Вірою».

Вера. Он повторил имя про себя. Вера.

Квантовая нелокальность. Две частицы, разлетевшиеся в разные концы Вселенной, мгновенно откликаются на изменение состояния друг друга. Он рассказывал это ученикам. «Расстояние не имеет значения. Пространство — иллюзия. Всё связано со всем».

Теперь он сам стал такой частицей. Зброшеною в хаос війны.

В окоп спрыгнул связной. Молодой, запыхавшийся.

— Физик! До командира. Терміново.

— Що таке?

— Не знаю. Кажуть, якась нова зброя.

Тарас убрав гармошку в карман. Встал.

— Яка зброя?

Связной не ответил. В его глазах плескался страх.

3

Оно пришло без предупреждения.

Сначала — звук. Низкий, утробный. Егор почувствовал его грудью раньше, чем ушами. Диафрагма сжалась. Сердце сбилось с ритма.

— Что за...

Паша не договорил. Его лицо побелело. Глаза расширились. Он схватился за грудь, рот открылся, но крика не было — только сип.

Гул нарастал.

Егор прижался спиной к стенке окопа. Земля вибрировала. Мелкие камешки сыпались с бруствера. Автомат выпал из рук — он не заметил.

Семь герц. Он не знал этого. Он просто чувствовал: что-то рвётся внутри.

В десяти шагах слева кто-то закричал. Не от боли — от ужаса. Первобытного, животного. Крик метнулся над окопом и захлебнулся. Солдат — Егор не узнал его в темноте — перемахнул через бруствер и побежал в поле. Бежал молча, ломая руками воздух.

— Стоять! — голос командира тонул в гуле. — Всем стоять!

Его никто не слышал.

Паша сполз на дно окопа. Губы шевелились. Егор разобрал одно слово: «Мама». Парень звал мать. В девятнадцать лет, с автоматом в руках, в окопе за полторы тысячи вёрст от дома, он звал мать.

Егор стиснул зубы. Боль в деснах отрезвила. Он сунул руку в карман. Сжал снимок. Илья.

Гул ударил в виски.

И тогда заговорили голоса.

Он услышал Алёну. Она кричала. Так, как кричала в родах с Анютой, — надрывно, с захлёбом. А потом — детский плач. Тонкий. Беспомощный. Плач новорождённого.

Егор закричал.

Он не помнил, как выхватил из подсумка иконку. Маленькую, бумажную, с потёртым ликом Богородицы. Мать отдала. «Береги, сынок. Она защитит».

Он прижал иконку к губам.

Гул прошёл сквозь него. Сквозь кости. Сквозь бумагу. По иконке побежала трещина. От края до самого лика. Егор не видел этого. Глаза были зажмурены. Но пальцы почувствовали — что-то лопнуло.

— Илья... — шептал он. — Илья... Илья...

Имя сына. Единственная нить.

Где-то далеко, за гранью слышимости, женский голос произнёс: «Держитесь». Но он не понял, слышал ли это наяву.

4

Тишина наступила внезапно.

Тарас стоял у бруствера, вцепившись в автомат. В горле стояла тошнота. Тарас ощутил свой пульс в корне языка — солёный, металлический. Семь герц. Он узнал частоту. Резонанс грудной клетки. Инфразвук.

— Висунулись! — скомандовал Коваленко. Голос у него был хриплый, сорванный.

Тарас перемахнул через бруствер. Ноги дрожали. Тошнота не проходила.

Их было четверо. Коваленко, он, Сашко и молодой Юрко. Российский окоп встретил их тишиной.

Тарас шёл по траншее, перешагивая через брошенные автоматы, разгрузки, каски. На дне окопа лежали люди. Кто-то стонал. Кто-то сидел, обхватив голову руками. Кто-то не двигался.

— Боже... — прошептал Юрко.

Тарас не ответил. Его мутило. Не от вида убитых — от того, как они были убиты. На лицах застыли маски. Не боли. Не ярости. Чистого, беспримесного ужаса.

Он прошёл ещё десять шагов. И увидел его.

Российский солдат. Лет двадцати пяти. Сидел на ящике, привалившись к стенке. Глаза открыты, но пусты. В руках — иконка, треснувшая пополам, и детский рисунок. На рисунке — дом, солнце, две фигурки. Подпись печатными буквами: «ПАПА».

Тарас замер.

Из нагрудного кармана солдата торчал сложенный листок. Ультразвуковой снимок. Тарас узнал его — он сам держал такой два месяца назад, когда Соломия прислала фото внучки.

Солдат поднял глаза. В них не было страха. Только пустота. И что-то ещё. Узнавание.

Их взгляды встретились.

Тарас опустил автомат.

— Фізик! — окликнул Коваленко. — Ти чого?

— Нічого. Тут пусто.

Он развернулся и пошёл обратно.

Он не мог объяснить, почему. Не знал, поймут ли. Но он физик. Он знал: две частицы, разлетевшиеся в разные концы Вселенной, мгновенно откликаются на изменение состояния друг друга. Всё связано со всем.

Егор проводил его взглядом.

Когда украинцы ушли, он медленно, очень медленно разжал пальцы. Иконка раскололась надвое. По лику Богородицы шла трещина.

— Илья... — прошептал он.

И потерял сознание.

5

Рассвет застал полковника Фёдорова в вертолёте.

Ми-8 шёл низко, над самыми лесополосами. Внизу проплывали изрытые воронками поля, остовы сгоревших машин, разбитые фермы. Фёдоров смотрел в иллюминатор и не видел ничего. Перед глазами стояла сводка.

108 выбывших за шесть минут.

Он читал её трижды. Цифры не менялись. Пятеро убитых — остановка сердца, разрыв лёгких. Тринадцать раненых, из них четверо в тяжёлом психическом шоке. Остальные — временно недееспособны.

Шесть минут. Противник не сделал ни одного выстрела.

Вертолёт пошёл на посадку.

Фёдоров спрыгнул на землю. Под ногами чавкнула грязь.

Пахло гарью, железом и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Он пошёл к окопу.

Траншею уже оцепили. Сапёры проверяли на мины, хотя какие тут мины — противник не заходил на эту позицию. Связисты тянули провода. Санитары грузили носилки в фургон. Он насчитал двенадцать.

Комбат, майор лет сорока, встретил его у входа в блиндаж. Лицо серое, под глазами чёрные круги. Он не спал вторые сутки.

— Товарищ полковник...

— Докладывай.

— В четыре двадцать три по московскому. Без предупреждения. Звуковой удар в инфракрасном спектре. Частота, по предварительным данным, от пяти до пятнадцати герц. Затем — голосовые галлюцинации. Массовые. Неконтролируемые.

— Потери?

— Сто восемь человек. Пятеро убитых. Остальные...

— Я читал сводку.

Майор замолчал. Фёдоров прошёл в блиндаж. На столе — разложенные карты, рации, пустые гильзы. В углу, на носилках, лежал солдат. Глаза открыты, зрачки расширены. Губы беззвучно шевелятся.

— Что он говорит?

— Имя. Какое-то женское имя.

Фёдоров наклонился. Солдат шептал одно слово. «Алё-

на». Или «Анюта». Он не разобрал.

Он вышел из блиндажа.

— Сколько ещё таких?

— Четырнадцать. Остальные в шоке, но контактны.

— Что говорят?

— Одно и то же. Гул. Голоса. Видели умерших. Слышали детей. Крики.

Фёдоров достал из планшета фотографию. Сергей. Сын. В курсантской форме, с улыбкой на пол-лица. Снимок сделан за неделю до его последнего боя. Донецкое направление. Он погиб, прикрывая отход. Ему был двадцать один год.

Фёдоров прижал фотографию к губам. На секунду. Через секунду убрал.

— Связь с Репиным.

Адъютант подал трубку. Фёдоров отошёл в сторону, туда, где ветер относил запах гари.

— Виктор Степанович, это Фёдоров. Докладываю. Противник применил неизвестное ранее психотронное оружие. Инфразвук и микроволновый аудиоэффект. Сто восемь выживших за шесть минут. Обычными средствами не подавить.

Пауза. В трубке дышали.

— Что предлагаешь? — голос Репина был сух и тих.

— У меня есть одна зацепка. Патентная заявка из Железногорска. Автор — некий Ветров. «Устройство для направленной модуляции вероятностных процессов». Звучит как бред, но...

— Проверь.

— Потребуется ресурсы.

— Получишь.

Фёдоров набрал номер.

В трубке гудки. Один. Второй. Третий.

Он стоял на краю окопа. Внизу, на дне траншеи, валялся соломенный оберег. Маленький, с нитяными волосами. Кто-то наступил на него сапогом.

Фёдоров отвернулся.

Гудки сменились голосом.

— Управление перспективных технологических исследований. Дежурный офицер слушает.

— Это Фёдоров. Мне нужна группа быстрого реагирования. Выезд через час. Цель — Железногорск, Красноярский край.

— Принято.

Он отключился.

Рассвет разгорался над степью. Где-то далеко, за линией соприкосновения, стояла такая же тишина. И человек, создавший эту тишину, ещё не знал, что его оружие только что дало осечку. Что в российском окопе солдат с треснувшей иконкой в руках выжил. Что украинский физик опустил автомат. Что Фёдоров уже набирает номер.

Война перестала быть человеческой.

Но люди ещё оставались.

Глава 2. Консилиум у постели смертельно больного

Кабинет Репина тонул в полумраке. Единственная лампа под зелёным абажуром выхватывала из темноты стол, два стула и картину на стене — берёзы, храм, размытая дождём дорога. Окно выходило на Неву, но сейчас, в этот поздний час, за стеклом была только чернота.

Фёдоров вошёл, не постучав.

В кабинете пахло старой бумагой, остывшим чаем и — едва уловимо — речной сыростью, сочившейся сквозь закрытое окно. Фёдоров почувствовал, как засохшая грязь стягивает кожу на щеке, там, где был шрам.

Он был в полевой форме. На сапогах — засохшая грязь. На левой щеке, там, где старый шрам от осколка, — свежая царапина. Он не спал двое суток.

Репин сидел за столом, спиной к окну. Перед ним — чашка остывшего чая, раскрытая папка. Он не поднял головы.
— Докладывай.

Фёдоров подошёл к столу. Достал из нагрудного кармана фотографию. Сергей. Сын. В курсантской форме. С улыбкой на пол-лица.

Он положил снимок на стол.

— Я только что с фронта, Виктор Степанович.

Репин поднял глаза. Посмотрел на фотографию. На Фёдорова. На грязь, осыпавшуюся с сапог на ковёр.

— Я видел, как люди умирали от страха, — сказал Фёдоров. — Просто падали. И больше не вставали. Сто восемь человек за шесть минут. Противник не сделал ни одного выстрела.

Он замолчал. Часы на стене пробили одиннадцать.

— Обычными средствами не справиться.

Репин взял фотографию. Долго смотрел на лицо Сергея. Потом вернул.

— Садись.

Фёдоров сел. Стул скрипнул.

— «Химера», — сказал он. — Так они её называли. Инфразвук, частота семь герц. Резонанс грудной клетки, диафрагмы, брюшной полости. Плюс микроволновый аудиоэффект — голоса прямо в слуховой коре. Солдаты слышали умерших. Слышали детей. Крики.

Он достал из планшета мятый лист — распечатку патента.

— Это засекла моя аналитическая система. Заявка из Железногорска. «Устройство для направленной модуляции вероятностных процессов посредством квантово-когерентной синхронизации сознания оператора». Автор — Ветров Сергей Петрович.

Репин взял распечатку. Читал медленно. Перевернул страницу. Снова перечитал.

— Квантово-когерентной, — повторил он. — Ты понима-

ешь, что это значит?

— Нет. Но я знаю, что это может быть единственным ответом.

Репин отложил лист. Снял трубку внутреннего телефона.

— Пригласите Зайцеву.

Ждать пришлось одинадцать минут. Фёдоров сидел неподвижно, глядя на картину с берёзами. Репин пил остывший чай. Ни один не проронил ни слова.

Дверь отворилась.

Надежда Алексеевна Зайцева вошла стремительно — высокая, сухощавая, с идеально прямой спиной. Волосы собраны в тугий узел. Очки в тонкой металлической оправе. Тёмно-синий брючный костюм — ни одной лишней складки.

— Виктор Степанович, — она кивнула Репину, затем перевела взгляд на Фёдорова. — Полковник.

— Надежда Алексеевна, — Репин указал на стул. — Присаживайтесь.

Она села. Лопатки не коснулись спинки стула — ни на сантиметр.

— Я слушаю.

Репин кивнул Фёдорову. Тот повторил — коротко, без деталей, которые уже обсуждались. «Химера». Семь герц. Голоса в голове. Сто восемь выбывших. Патентная заявка.

Зайцева слушала не перебивая. Когда Фёдоров закончил, она сняла очки. Протёрла стёкла краем рукава. Надела.

— Полковник, вы предлагаете нам воевать с помощью

галлюцинаций отшельника из тайги?

— Я предлагаю проверить.

— Проверить? — она усмехнулась. — Вы понимаете, что такое «квантово-когерентная синхронизация сознания»? Это даже не гипотеза. Это фантазия. Таких терминов нет ни в одном рецензируемом журнале. Ни одной публикации. Ни одного эксперимента с воспроизводимым результатом. Ноль.

— У них есть оружие. У нас — ноль.

— Оружие у них есть, потому что они вложили миллиарды в нейробиологию и микроволновые технологии. Это физика. Это можно измерить. А это, — она постучала пальцем по распечатке, — это даже не лженаука. Это поэзия.

Фёдоров подался вперёд.

— Надежда Алексеевна, я не физик. Я солдат. Но я знаю одно: если есть шанс — один из миллиона, один из ста миллионов, — я обязан его использовать. Потому что иначе — ещё сто восемь. Ещё двести. Ещё тысяча.

— Шанс на что? На чудо?

— Да.

Зайцева резко встала. Подошла к окну. Спина напряжена, плечи расправлены.

— Мой отец верил в чудеса, — сказала она тихо. — Он был физиком. Идеалистом. Он считал, что сознание первично. Что мысль может изменить материю. Его подняли на смех. Его теории отвергли. Он умер от инфаркта, когда мне

было двадцать. На его похороны пришли пять человек. Пять. Из всего академического института.

Она повернулась. Очков на лице не было. Она сжимала их в руке.

— Я не позволю повторить его ошибку.

Тишина. Часы пробили четверть.

Репин поднял руку.

— Достаточно.

Зайцева замерла. Фёдоров откинулся на спинку стула.

Репин говорил медленно. Каждое слово падало отдельно, как камень в воду.

— Вы, Надежда Алексеевна, боитесь, что чудо окажется реальным. Вы боитесь, что вся ваша броня из скепсиса построена на зыбком песке. И вы, Андрей Николаевич, боитесь, что чудо вам не подчинится. Что вы найдёте его — и не сможете применить. А я...

Он замолчал. Посмотрел на картину с берёзами.

— А я боюсь, что мы пройдем мимо него. Как Пилат.

Тишина стала абсолютной.

— Поэтому — проверим. Немедленно. Все ресурсы. Все полномочия. Головной исполнитель — «Заслон». Научное руководство — Зайцева. Оперативное обеспечение — Фёдоров. Срок — три недели.

Зайцева открыла рот.

— Это приказ, — сказал Репин.

Она закрыла рот. Надела очки. Лицо снова стало ледя-

НЫМ.

— Я могу идти?

— Идите.

Она вышла, не обернувшись. Каблуки простучали по коридору и стихли.

Фёдоров остался.

Репин посмотрел на него. Потом на фотографию Сергея, всё ещё лежавшую на столе.

— Ты знаешь, почему я выбрал тебя?

— Нет.

— Потому что ты потерял сына. И ты знаешь, что такое ответственность за чужие жизни.

Он помолчал.

— Иди. Возвращайся с ответами.

Фёдоров встал. Забрал фотографию. Убрал в нагрудный карман.

— Есть.

Дверь закрылась.

Репин остался один. Часы пробили половину. Он долго сидел неподвижно, глядя на картину. Потом выдвинул ящик стола.

Там лежал старый конверт. Пожелтевший, с потёртыми краями. Без адреса. Без марки.

Он достал его. Замер.

За окном темнело.

Глава 3. Сбор команды

1

Зайцева нашла его в цеху.

Семён Петрович Говорков стоял у распределительного щита, протирая микрометр. Ветошь в руке двигалась машинально — круговыми, выверенными движениями. На нём была чистая, но старая спецовка с логотипом «Заслона». Из нагрудного кармана торчал карандаш.

Он не обернулся на шаги.

— Семён Петрович.

— Надежда Алексеевна.

Он убрал микрометр в футляр. Зашёлкнул крышку. Только потом повернулся.

Зайцева не стала тратить время на предисловия.

— Мне нужен человек, способный собрать то, что другие считают невозможным.

Дед посмотрел на неё. Глаза выцветшие, но ясные. Руки в старческих пятнах, но без дрожи.

— Что именно?

— Капсулу. Для синхронизации сознания с квантовым полем.

Пауза.

— Звучит как бред, — сказал Дед.

— Звучит. Но приказ есть приказ. Я дам вам все расчёты.

Все чертежи. Всё, что наработал автор. Ваша задача — превратить это в металл.

Дед сунул ветошь в карман.

— Срок?

— Три недели.

Он хмыкнул.

— Никакой халтуры. Я работаю только на совесть.

— Я на это и рассчитывала.

Дед кивнул. Коротко, один раз. Затем повернулся к щиту.

Разговор был окончен.

Зайцева вышла. Каблуки простучали по бетонному полу.

Дед проводил её взглядом и снова достал микрометр.

2

Кирилл Светлов сидел в серверной.

Пахло разогретой электроникой и пылью. Гудели кулеры.

Три монитора выстроились полукругом, и на каждом кипел код — строки, сшитые в блоки, блоки в модули. Ноутбук перед ним был открыт, пальцы лежали на клавиатуре.

Зайцева вошла. Он не поднял головы.

— Кирилл Андреевич.

— Я слушаю.

— У меня для вас задача.

— Техническая?

— Этическая.

Пальцы замерли. Он поднял глаза.

— Мне нужен тот, кто напишет этический контур.

Лауер-9. Квантовый предохранитель.

Кирилл усмехнулся.

— Встроить мораль в машину? Звучит как начало анекдота.

— Этот анекдот спасёт тысячи жизней.

Он откинулся на спинку стула. Посмотрел на неё внимательно — впервые за весь разговор.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— И что будет, если я откажусь?

— Ничего. Я найду другого.

Он снова усмехнулся. Но теперь — по-другому.

— Не найдёте. Тех, кто может написать этический контур для квантовой системы, в стране человека три. Двое в Москве, в Сбере. Один перед вами.

— Значит, вы согласны.

— Я этого не говорил.

— Но и не отказались.

Он посмотрел на монитор. На код. На строки, бегущие сверху вниз. Потом перевёл взгляд на Зайцеву.

— Что за система?

— Узнаете. Сначала — согласие.

Он молчал. Пальцы снова легли на клавиатуру, но не двигались.

— Хорошо, — сказал он. — Я в деле.

Зайцева кивнула. Вышла.

Кирилл проводил её взглядом. Потом посмотрел на код. Мораль в машине. Он никогда не пробовал. Это было интересно.

3

Мария Белова стояла у доски.

Она не услышала, как Зайцева вошла. Мел стучал по доске — быстро, нервно. Уравнения покрывали уже половину поверхности. Те самые. Из файла, который Зайцева скинула ей два часа назад.

— Мария Викторовна.

Она вздрогнула. Обернулась. Очки съехали на кончик носа. В руке — мел, пальцы белые от крошки.

— Надежда Алексеевна! Я... вы понимаете, что здесь написано?

— Понимаю.

— Это же... — она поправила очки. — Это квантовая когерентность сознания! Если это правда, то мы стоим на пороге открытия, которое перевернёт физику. Всю. От Ньютона до Эверетта.

— Если это правда. Пока — только гипотеза.

— Но посмотрите на вот этот член! — Мария ткнула пальцем в уравнение. — $\Lambda \dagger \Lambda / (\Sigma_D + \Omega_R)$. Это... это гениально. Кто это написал?

— Человек, которого вы никогда не видели. Его зовут Сергей Ветров.

— Ветров... — Мария попробовала имя на вкус. — Я хо-

чим с ним работать.

— Пока это невозможно. Ваша задача — проверить математику. Всю. От первой до последней строчки. И не увлекаться.

Мария улыбнулась.

— Я не увлекаюсь. Я вижу красоту.

В дверях мелькнула тень. Кирилл проходил мимо с ноутбуком под мышкой. Услышав последнюю фразу, он на секунду задержался. Мария его не заметила. Зайцева заметила.

— Приступайте, — сказала она. — К вечеру жду предварительный отчёт.

Мария уже стояла к ней спиной. Мел снова стучал по доске.

4

Шум 3D-принтеров было слышно из коридора.

Звягин стоял у пульта. Рядом — парень в футболке с логотипом SpaseX. Глаза горели, руки в карманах, но пальцы барабанили по бёдрам — не мог стоять спокойно.

— Алексей Иванович.

— Надежда Алексеевна, — Звягин обернулся. Спокойный. Уверенный. — Знакомьтесь, мой стажёр. Артём Новиков.

— Очень приятно! — Артём шагнул вперёд. — А правда, что мы будем строить машину для управления реальностью? Как в «Матрице»?

Зайцева посмотрела на него. Он выдержал взгляд.

— Реальность — не симуляция, — сказала она. — Но управлять ею — возможно.

— Я готов!

Звягин положил руку ему на плечо.

— Остынь, Тесла. Сначала — калибровка лазеров.

— Я могу хоть сейчас!

— Вот сейчас и начнёшь, — Звягин повернулся к Зайцевой. — Что нужно делать?

— Титановые детали для капсулы. Чертежи получите через час. Срок — три дня.

— Успеем.

Он не спросил, для чего. Не усомнился. Просто кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.